

У ТЕЛЕЭКРАНА ПОРТРЕТ ПЕВЦА

Телевизионная камера нередко сулит оперному певцу суровое испытание. Рассчитанное на восприятие в условиях театрального зала, его исполнение, в особенности мимика, необходимость преодолевать вокальные трудности, — все это, укрупненное оптикой, порой наносит восприятию музыки с экрана невосполнимый урон.

Но вот лет десять назад на телевизионном экране стал появляться оперный певец, который уже не выступает на оперной сцене и лишь изредка — на концертной. И постепенно становилось очевидно, что телевидение открыло еще одну страницу в его творческой жизни. Не только потому, что аудитория певца увеличилась во много раз, но и потому, что именно домашний экран позволил лучше увидеть некоторые характерные особенности его артистического облика.

Это — Иван Семенович Козловский.

Камера щадит Козловского ничуть не больше, чем других оперных певцов. Она не скрывает ни его возраста, ни его более короткого — по сравнению с прежним — дыхания.

Но все это отступало перед значимостью художнической личности. Козловский — хранитель традиций нашей музыкальной культуры и художник, продолжающий их развивать. В своем лице он связывает «век нынешний и век минувший». Важнее всего оказалась та внутренняя значительность, одухотворенность, что наполняет его пение. И когда со сцены Большого театра передавали концерт Козловского, где он, высокий, стройный, в рыцарском одеянии, пел арию Лоэнгрина. И когда показывали его выступления на празднике в Михайловском посреди огромной поляны и в стенах Святогорского монастыря — там он пел романсы, песни, исполнял спелу Юродивого из оперы «Борис Годунов». И на съемках во время грамзаписи.

Стоит напомнить, что долгое время партия Юродивого считалась в опере Мусоргского второстепенной, пока ее на сцене Большого театра в 1927 году не спел Козловский, вернув роли то значение, которое она имела у Пушкина. Юродивый в исполнении Козловского стал носителем народного этического идеала. Наивный и прозорливый, он судил венценосного правителя России.

Телевизионный экран позволил увидеть совсем близко его глаза — простодушные в сцене с Борисом — «нельзя молиться за царя-ирода...», полные страдания в предчувствии бед, надвигавшихся на Русь.

Было еще нечто, в «дотелевизионное» время хорошо известное только друзьям и близким певца, а сидящими в зале — на расстоянии сце-

ны — скорее лишь угадываемое. Эту черту Козловского режиссер Ю. Завадский в телефильме о певце определил как доверчивость души, детскую открытость. И она также в полной мере проявилась на телевизионном экране.

Возможно, поэтому Козловский так любит петь с детьми, относясь к ним как к младшим партнерам, менее опытным и потому нуждающимся в его участии и деликатной поддержке.

С начала 70-х годов на телевизионном экране как составная часть передачи или телефильма стал появляться фрагмент кинохроники военного времени, где перед фронтовиками Козловский поет «Темную ночь». А сегодняшний Козловский не без юмора рассказывает, что пел в спокойном неведении о приближающихся немецких самолетах; узнал он об этом уже потом, когда кончил петь.

Одну композиционную часть такого фильма составляет хроникальная пленка военных лет — запечатленная реальность того времени. Другую — сегодняшнее свидетельство очевидца, удостоверяющего подлинность того, что мы видели, и вместе с тем высказывающего в той или иной мере свое сегодняшнее отношение к тому, что снято на пленке. В данном случае было и на что посмотреть, что послушать и над чем подумать.

Козловский пел на лесной поляне, под деревом, аккомпанируя себе на гитаре; кругом расположились бойцы. Он пел «Темную ночь» иначе, чем ее первый и самый известный исполнитель — Бернес. Лиризм Бернеса был мужествен и суров, Козловского — мягок и нежен.

И в этой простоте и естественности, с которой Козловский держится перед бойцами и перед объективом хроникальной кинокамеры, в его чуткости к душевным потребностям своих слушателей (немногие оперные певцы удостоивали своим вниманием эстрадную песню, так же как и эстрадная песня оказывалась подвластной очень немногим оперным певцам) — тоже истоки нынешнего «феномена Козловского».

Характерно, что Козловский отказывается сниматься под заранее записанную фонограмму — прием, которым пользуются многие оперные певцы на телевидении. Ведь певец мог бы использовать старые записи, когда его голос звучал «моложе». Но для Козловского пение — не просто извлечение красивых звуков. Это духовный процесс, где вокальное слито с артистическим и где каждое новое исполнение никогда не повторяет предыдущее, ибо он всегда в движении, в развитии.

Г. ТРОИЦКАЯ.
Кандидат
искусствоведения.